

ЧАРЛИ
Ви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЫВШИЕ

Правило трёх «Н»

18+

Чарли Ви

Бывшие. Правило трёх "Н"

«Автор»

2026

Ви Ч.

Бывшие. Правило трёх "Н" / Ч. Ви — «Автор», 2026

После измены мужа и развода я дала себе обещание соблюдать правило трёх «Н». Не звонить. Не вспоминать. Не влюбляться снова. Четыре года я держалась. Работала в банке, растила дочку, ухаживала за больной мамой. Было сложно, но я верила, что справлюсь сама. Пока не пришла новость: моего единственного брата объявили пропавшим без вести. Мир рухнул. Искать правду было некому. Мне пришлось нарушить правило. Переборов себя и свою гордость я позвонила ему — бывшему мужу, тому, кто когда-то разбил мне сердце. Я попросила о помощи. И теперь боюсь, что за первыми нарушенными «Н» последует и третье

© Ви Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чарли Ви

Бывшие. Правило трёх "Н"

Пролог

До сих пор самым страшным днём в моей жизни считалось то самое четвёртое июля. День, который пах пирогом, дорогими духами и предательством.

Удивительно, как память цепляется за ничтожные детали, пока твой собственный мир разлетается на осколки. Я помню, что накрапывал дождь, и я радовалась, что надела свои тёмно-синие замшевые туфли – они не промокали. Помню, как несла в руках контейнер с ещё тёплым яблочным пирогом, его сладкий аромат щекотал нос. Яблоки были из сада моей мамы, а пирог – любимый рецепт Дениса. Я ехала к нему на работу, чтобы устроить маленький сюрприз.

Капитан полиции Денис Мамонтов, мой муж, мой красавец-герой, в десятый раз за месяц засиживался на работе.

«Дело, Лерочка, – хрипел он в трубку, и в его голосе я слышала благородную усталость защитника правопорядка. – Этот маньяк из парка не даёт нам вздохнуть. Спасибо Марине Игоревне, без неё мы бы совсем не справились».

Марина Игоревна. Начальница его отдела. Железная леди с глазами, как у ястреба, и фигурой модели. Я её недолюбливала. Ей бы на подиум или в модельное агентство. Не из-за ревности – Боже упаси! – а потому что она смотрела на меня так, будто я была не женой её лучшего сотрудника, а неудачно подобранным аксессуаром.

Дежурный у поста встретил меня обаятельной ухмылкой.

– Здравствуйте, Валерия Павловна! К капитану с провиантом? Молодец. Только он, кажется, у шефа.

Я кивнула и прошла по длинному, вылизанному до блеска коридору. Пол блестел, как лёд, отражая строгие линии светильников. В воздухе витал запах чистящего средства, бумаги и чего-то неуловимого – власти, что ли.

Дверь в кабинет Марины Игоревны была приоткрыта. Не захлопнута до конца. Оттуда доносились приглушённые голоса. Я уже собиралась постучать костяшками пальцев, весело крикнув: «Пирог прибыл!», как мой взгляд упал на узкую полоску света между дверью и косяком.

Сердце предательски замерло, предчувствуя беду.

Они стояли у массивного дубового стола, заваленного папками. Он, мой Денис, в своей идеальной форме, с расстёгнутым воротником, от которого почему-то стало душно и мне. Она, Марина Игоревна, уже без пиджака, в одной шелковой блузке, которая странно смялась на её обычно безупречном плече. Его рука лежала на этом плече. Её пальцы вцепились в его предплечье. Они не целовались. Они просто стояли лоб в лоб, и на его лице было выражение, которое я видела только в наши самые сокровенные моменты. Это выражение принадлежало мне, только мне, но никак начальнице отдела. А она смотрела на него с голодом, нежностью и собственническим видом. Только женщина узнает этот взгляд.

Контейнер с пирогом выскользнул из моих онемевших пальцев и с глухим, предательски тихим шумом шлёпнулся на идеальный казённый пол. Крышка отскочила, и кусок тёплого, душистого пирога, с любовью замешанного в нашей кухне, выкатился на линолеум.

Они вздрогнули и резко отпрянули друг от друга. В их глазах мелькнуло не замешательство, не ужас, а быстрая, как молния, ярость – будто я, а не они, нарушила что-то священное. Денис сделал шаг ко мне.

– Лера... – его голос, ещё минуту назад бывший нежным, зазвучал хрипло и сдавленно. – Это не то, что ты подумала.

Я не помню, что я ответила. Не помню, как вышла из здания. Помню только запах. Уже не яблок и не духов. А запах горящего. Горел мусорный бак, а у меня было ощущение, что горел мой брак, моя вера, моя жизнь. И пепел от него оседал на моих прекрасных непромокаемых туфлях.

Помню, как захлопнула дверь такси, и водитель, бросая на меня испуганный взгляд, рванул с места, будто увозил меня от эпицентра катастрофы. Так оно и было. Я смотрела в запотевшее стекло, не видя улиц, не видя дождя. Перед глазами стояла одна и та же картина: его рука на её плече, их сомкнутые лбы, её взгляд.

Дом встретил меня гробовой тишиной. Только тиканье настенных часов на кухне, подаренных его матерью, звучало как отсчёт времени до конца света. Я прошла в гостиную и остановилась посреди комнаты. Мои туфли оставляли на полу грязные следы.

Я не плакала. Внутри всё застыло, превратилось в комок колючего, болезненного льда. Я механически сняла куртку, и она грузно упала на пол. Я не подняла её.

И тут зазвенел дверной звонок. Короткие, настойчивые, требовательные звонки. Я знала, кто это. Он примчался следом. Не чтобы утешить, а чтобы зачистить территорию. Установить контроль над ситуацией. Как на работе.

Я не двигалась. Звонок сменился резкими, яростным стуком в дверь – он ведь знал, что я дома.

– Лера! Открой! Немедленно! – его голос за дверью был жёстким, командирским, лишённым тех оттенков нежности, которые я слышала ещё утром.

Мои ноги сами понесли меня к двери. Рука сама потянулась к замку. Я не хотела его видеть, но какая-то часть меня, всё ещё замужняя часть, действовала на автопилоте.

Дверь распахнулась. На пороге стоял он. Высокий, подтянутый, в своей форме, которая сейчас казалась мне не символом чести, а униформой предателя. Его лицо было напряжённым, губы сжаты в тонкую упрямую линию.

Он переступил порог, заставив меня отступить, и захлопнул дверь.

– Лера, – начал он, и его голос был низким, сдавленным, каким бывает, когда он ругает провинившихся подчинённых. – Ты должна меня выслушать. Ты всё неправильно поняла.

Он попытался взять меня за плечи. Его прикосновение, обычно согревавшее меня до кончиков пальцев, теперь обожгло, как раскалённое железо. Я дёрнулась, отшатнулась от него, как от прокажённого.

– Не трогай меня! – мой собственный голос прозвучал хрипло. – Никогда больше не смей трогать!

Он вздохнул, и в этом вздохе сквозь показное терпение прорвалось раздражение.

– Хватит истерик, Лера. Веди себя как взрослая женщина, а не как испорченный ребёнок. Мы работали. Обсуждали сложное дело. Было напряжённо. Она расстроилась, я её поддержал. Всё.

Я смотрела на него, и лёд внутри начал трескаться, сменяясь дикой, всепоглощающей яростью.

– Поддержал? – выдохнула я. – Это как? Положить руку на плечо начальнице? Прижаться лбом? Смотреть на неё так, как... как смотришь только на меня? Это у вас такой новый служебный протокол, капитан Мамонтов?

Он отвернулся, прошёлся по комнате, с силой проведя рукой по лицу. Меня бесила эта его сдержанность, это холодная, военная выдержка. Ему было не больно. Ему просто было неудобно. Как из-за помехи в отлаженном механизме его жизни.

– Не придумывай того, чего не было, – отрезал он, останавливаясь напротив меня. Его глаза были пустыми, в них не было ни капли раскаяния. – У нас с Мариной Игоревной рабочие отношения. Сложные. Напряжённые. Иногда эмоции берут верх. Ты вторглась в служебный кабинет без предупреждения и устроила сцену.

– Я вторглась? – засмеялась я, и смех мой прозвучал немного безумно. – Я принесла тебе пирог, Денис! Пирог, который ты якобы так любишь! А ты там... ты... это в голове не укладывается! Как ты мог? Ты же... ты же мой муж! Ты клялся мне в верности! Ты предал! Ты сволочь! Ты...

Слова рвались наружу, бессвязные, полные боли и гнева. Я задыхалась. Слёзы, наконец, хлынули из глаз, горячие и беспомощные.

Он смотрел на мои слёзы, и в его глазах читалось лишь одно – досада. Досада на неуправляемую эмоцию, на сломанный план, на испорченный вечер.

– Успокойся, – сказал он грубо, без тени сочувствия. – Хватит рыдать. Ничего не произошло. Ты сама всё придумала и теперь раздуваешь из мухи слона. Возьми себя в руки.

В тот момент я поняла всё. Он не будет оправдываться. Не будет умолять о прощении. Он будет давить. Гасить. Отрицать очевидное. Потому что признать – значит унизиться. А он – капитан полиции Денис Мамонтов – никогда не унижается.

Он посмотрел на меня своим холодным взглядом. Взглядом следователя на несговорчивую свидетельницу.

– Успокойся, прими душ, ляг спать. Утром будешь мыслить здраво. Это приказ.

Развернулся и вышел из комнаты, оставив меня одну посреди гостиной, в моих грязных туфлях, с разбитым сердцем и маленьким секретом под сердцем. Я ведь и приехала к нему для того, чтобы рассказать. Но теперь я буду молчать. Не заслужил он такого счастья.

Глава 1

Пять лет – это как прожить маленькую жизнь в перерыве между проблемами. Первая серьёзная случилась тогда, пять лет назад, в том кабинете, и её отдалённое воспоминание до сих пор вызывало горечь во рту. А потом было много следующих. Преждевременные роды. Два месяца в больнице с ежедневной молитвой, чтобы моя малышка выжила. Когда казалось, что я справилась с одной, непременно появлялась другая. Следующей стала мамин инсульт. Зато остальные проблемы уже не казались такими масштабными. Так проблемки просто.

Моя новая жизнь была похожа на бесконечный, отлаженный марафон. Работа в банке, где цифры были предсказуемы и не предавали. Детский сад. Аптека. Больница. Дом. Иногда мне казалось, что я не дышу, а лишь делаю короткие, экономные вдохи между этими точками на карте моего выживания.

Вот и сегодня я, как всегда, бежала. После работы – в садик за Катей и всю демонстрировала характер, доставшийся ей, увы, не от меня.

– Мам, а почему ты всегда последняя? – упрекающе спросила она, засовывая свои маленькие ручки в рукава куртки.

– Потому что мир крутится не вокруг тебя, солнышко, – автоматически ответила я, застёгивая её молнию. – Есть работа, есть бабушка...

– Знаю, знаю, – вздохнула она с преувеличенной взрослой тоской.

– Мам, а можно мы купим киндер? – Катя смотрела на меня своими огромными, карими глазами, и сердце сжималось от противоречивых чувств – любви и щемящей боли.

– В другой раз, солнышко, – я потянула её за руку, ускоряя шаг. – Бабушка одна дома, её нельзя надолго оставлять.

Сиделка звонила ещё в пять, извиняющимся тоном сообщила, что ей срочно нужно уйти по личным делам. В груди тут же поселился знакомый холодок тревоги. С мамой могло случиться всё что угодно: она могла упасть, пытаясь дойти до туалета, могла забыть выключить чайник, могла просто испугаться одиночества и тишины.

Мы почти бегом шли домой.

Наш дом – мамина трёхкомнатная квартира в старом, но уютном доме. Наше с Катей убежище и наша крепость, которую мы делили с мамой и... с братом, когда он был дома.

– Быстро руки мыть! И переодеваться! – скомандовала я Кате, едва переступив порог.

Она послушно потащила в ванную, а я, скинув пальто прямо на вешалку в прихожей, бросилась в мамину комнату.

Воздух в комнате был тёплым, спёртым, пахло лекарствами и сладковатым запахом немощного тела. Мама лежала на кровати, укрытая лоскутным одеялом, которое она сама сшила много лет назад, когда её руки ещё слушались её. Увидев меня, она медленно повернула голову. Её глаза, такие же, как у меня и у Матвея, утратили былую живость, но в них всё ещё теплился огонёк сознания. Она попыталась что-то сказать, но из её перекошенного рта вырвалось лишь невнятное, тягучее мычание. За пять лет я научилась его понимать.

– Всё хорошо, мам, я уже дома, – мягко сказала я, поправляя одеяло. – Ты кушать хочешь?

Она кивнула, едва заметно двинув головой.

– Сейчас, подожди немного. Сварю суп. Всё хорошо? Ничего не болит?

Она снова кивнула, и её взгляд стал немного спокойнее. Этот безмолвный диалог был нашей ежедневной рутинной.

Я вышла из комнаты и почти бегом направилась на кухню. Пора было звонить Матвею. Он должен был приехать с вахты из Нягани сегодня утром. Вчера вечером он звонил как раз перед посадкой в поезд: «Лер, я выезжаю, встречу меня с борщом, а то там одна столовая баланда». Мы смеялись. Он был моей опорой, моим единственным сообщником в этой борьбе за нормальную жизнь. Месяц он работал там, на севере, а месяц жил здесь, ухаживая за мамой, пока я была на работе. Это было наше негласное соглашение. Он копил на квартиру для себя и своей Люды, а я... я просто старалась выжить.

Достав кастрюлю, я включила воду и одним движением зажала телефон между плечом и ухом, набирая номер брата. Гудки были ровными, монотонными. «Подъезжаешь к туннелю, связи нет», – подумала я, принимаясь чистить картошку. Но гудки шли раз за разом, и ровный голос оператора сообщал, что абонент недоступен.

Тревога, тихая и противная, как подвальная сырость, начала подползать к сердцу. Я положила телефон на стол и попробовала ещё раз. Снова гудки. Снова «абонент недоступен».

«Не нервничай, – сказала я себе. – Может телефон сел. Всё логично». Но что-то гнусное и холодное шептало внутри, что это не так. Матвей всегда ставил телефон на зарядку в поезде. Всегда.

Тогда я нашла в контактах номер его друга Санька, с которым они всегда ездили на вахту вместе. Набрала. Сердце колотилось где-то в горле.

Трубку сняли почти сразу.

– Сань? Привет, это Лера. Вы с Матвеем где? Он телефон не берёт...

На той стороне повисла неловкая, густая пауза. Такой паузой обычно предваряют плохие новости.

– Лер... – голос Санька прозвучал неестественно тихо, сдавленно. – Мы... мы ждём тут. Полиция уже... Матвей... Лера, он был на своём месте, лежал на верхней полке, а когда я проснулся – он пропал. Его нет. Вещи на месте, а его нет.

Мир не рухнул. Он замер. Звук кипящей воды на плите, веселый голос Кати из комнаты – всё это стало фоновым шумом, доносящимся из другой вселенной. Единственной реальностью был хриплый голос в трубке и леденящая пустота, растущая внутри.

Я опустила на стул, не в силах держать телефон. Он со стуком упал на кафель. Но я не могла пошевелиться. Потому что понимала, что с этой проблемой я вряд ли справлюсь.

Глава 2

Два дня растянулись в бесконечную череду звонков, унижительных ожиданий и ледящего душу молчания. Два дня, за которые я успела ощутить себя крошечным, никчёмным винтиком в огромной, равнодушной государственной машине.

Я обзванивала все мыслимые и немыслимые инстанции. Транспортная полиция отвечала сухими, заученными фразами: «Расследование ведётся, гражданка Чернова, наберитесь терпения». Дежурный в нашем участке, куда я, в конце концов, доползла с заявлением, смотрел на меня усталыми глазами и говорил то же самое: «Ищем. Как будет информация – сообщим. Вы успокойтесь, не нервничайте».

«Успокойтесь». Это слово стало моим личным триггером. Его произносили врачи в больнице, когда я рожала Катю. Его бубнил по телефону Денис, когда я нервничала от усталости и бессилия. Его теперь повторяли люди в форме, от которых зависела судьба моего брата.

«Успокойтесь» звучало как «смиритесь», «отстаньте», «ваша проблема никого не волнует».

Но я не могла успокоиться. Я не была создана для бездействия. Моя жизнь за эти пять лет превратилась в сплошное действие, в бег с препятствиями. А теперь мне предлагали просто сидеть и ждать, пока какой-то незнакомый человек сочтёт нужным бросить мне обглоданную кость информации.

Я металась по квартире, как загнанный зверь. Даже Катя, обычно непоседливая и шумная, притихла и смотрела на меня большими, испуганными глазами. Мама мычала с кровати, чувствуя мою панику, и это лишь усугубляло чувство вины. Я подвела всех. Я не могла найти брата. Я не могла их защитить.

И тогда, в самый отчаянный момент, когда казалось, что стены вот-вот сомкнутся и раздавят меня, в голове оформилась мысль. Мысль, от которой я тут же попыталась отмахнуться, как от назойливой мухи.

Он.

Денис Мамонтов. Капитан полиции. Тот, кто когда-то разбил мне сердце, но кто при этом был блестящим, до остервенения целеустремлённым профессионалом. Он жил своей работой, дышал ею. Он знал все рычаги, все тропки, все возможности системы, в которой я беспомощно барахталась, как муха в паутине.

Внутренний диалог закипел мгновенно, разрывая меня на части.

– Нет. Ни за что. Только не он, – твердила одна часть моего сознания.

– Но он может найти. Он хорош в этом. Ты же сама всегда это знала.

– Он предатель. Он козёл. Он не заслуживает даже твоего голоса в трубке.

– А что заслуживает Матвей? Твоя гордость или его жизнь?

– Он ничего не знает о Кате. А если узнает? Захочет увидеть? Захочет... отнять?

Сердце сжалось от животного страха. Моя дочь. Моё единственное солнышко. Я поставила его холодный, оценивающий взгляд на ней – и мне стало физически плохо.

Я схватилась за спинку стула, пытаюсь перевести дыхание.

– Успокойся, – приказала я себе самой, иронично цитируя всех своих мнимых утешителей. – Ты не собираешься пускать его в свою жизнь. Это всего лишь звонок. Один-единственный звонок с просьбой о помощи. Ты не будешь ничего ему рассказывать о себе. Не будешь

спрашивать о его жизни. Скорее всего, у него уже давно новая семья, дети... Он вообще вряд ли помнит тебя.

Последняя мысль почему-то кольнула больнее, чем должна была. Я отбросила её с яростью.

Это была сделка с самой собой. Я продаю ему пять минут своего унижения в обмен на шанс найти брата. Чистая сделка. Без эмоций. Без прошлого.

Руки дрожали, когда я взяла телефон. Я не искала его номер в контактах – его не было там уже пять лет. Эти одиннадцать цифр были выжжены в моей памяти навеки, как клеймо.

Я набирала их медленно, будто мои пальцы утяжелили свинцом. Каждый гудок в трубке отдавался гулким эхом в моей пустой грудной клетке. Казалось, прошла вечность.

И вдруг – щелчок. И его голос. Низкий, спокойный, уверенный. Тот самый, что когда-то шептал мне слова любви, а потом холодно приказывал «успокоиться».

– Аллю.

Одно только слово. И весь воздух из комнаты будто выкачали.

Всё моё внимание сконцентрировалось сейчас на телефоне, прижатого к уху так сильно, что в виске застучала кровь. То самое «аллю» прозвучало тихо, ровно, без тени любопытства. Голос человека, который берёт трубку, уже зная, что его время ценно, и ожидая, что на том конце это понимают.

На мгновение я онемела. Весь тщательно выстроенный монолог, все аргументы и холодные, деловые интонации, которые я репетировала про себя, испарились, оставив после себя лишь липкий, детский страх и ком в горле размером с яблоко.

– Говорите, – его голос прозвучал снова, и в нём послышались нотки лёгкого, привычного нетерпения. Он явно был на работе. Я почти физически ощутила запах того самого коридора – чистящего средства, власти и бумаги.

Когда я, наконец, смогла говорить, голос прозвучал хрипло и чуждо, будто его насильно вытаскивали клещами из самого нутра.

– Денис, привет. Это... Лера.

На другом конце повисла краткая, но оглушительно громкая тишина. Он не ожидал. Я представила, как его пальцы, которые привыкли сжимать ручку, непроизвольно сжались. Я представила его лицо – нахмуренный лоб, складка между бровей, холодный взгляд. И ненавидела себя за то, что до сих пор помнила каждую черту.

– Лера, – произнёс он наконец. Его голос не выдал ни удивления, ни радости, ни раздражения. Он просто повторил моё имя, как будто зачитывал показания свидетеля. – Что случилось?

Эти два слова вернули меня в реальность. Жёсткую, безжалостную.

Он не спрашивал «Как ты?» или «Как жизнь?». Он сразу перешёл к сути.

Что случилось? Потому что со мной, в его картине мира, могло случиться только что-то плохое. Что-то, что требовало его профессионального вмешательства. Он это понимал.

И это помогло. Это остудило пылающие щёки и заставило выстроить слова и мысли в чёткую линию обороны.

– Мне нужна твоя помощь. Не личная. Профессиональная, – я сделала глубокий вдох. – Пропал мой брат. Матвей.

Глава 3

Он перезвонил через три часа. За эти три часа я успела десять раз передумать, двадцать раз ощутить приступ паники и накормить Катю тем, что нашлось в холодильнике, сама не притронувшись к еде. Когда телефон завибрировал, я вздрогнула так, будто он ударил меня током. На экране горел незнакомый номер, но какое-то шестое чувство подсказало мне, кто это.

– Алло, – выдохнула я в трубку, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Чернова? – его голос был таким же ровным и лишённым эмоций, как и в первый раз. Будто те три часа, что я провела в аду неизвестности, для него прошли за одно мгновение. – Нужно, чтобы ты приехала. В отдел.

Моё сердце ёкнуло, смешав надежду с новым витком страха.

– Когда? – спросила я, уже прокручивая в голове, кого бы попросить посидеть с мамой и Катей в такой поздний час.

– Всё зависит от того, насколько тебе это важно, – ответил он, и в его тоне я уловила лёгкий, почти неощутимый вызов. Проверку.

Внутри всё возмутилось. Конечно, это важно! Важнее всего на свете! Но он ждал не слов, а действий. Он измерял серьёзность моих намерений готовностью прыгнуть с места в карьер.

– Я могу сейчас, – сказала я твёрже, чем ожидала сама. – Через час буду.

На другом конце последовала короткая пауза, будто он оценивал мою скорость реакции.

– Жду, – бросил он и положил трубку.

Час спустя я стояла у того самого здания, из которого бежала пять лет назад, чувствуя запах собственного горящего счастья. Оно не изменилось. Тот же строгий фасад, те же решётки на окнах, тот же флаг у входа. Только менялась охрана на посту, да трещинки в асфальте стали чуть заметнее.

Сердце бешено колотилось, когда я подходила к знакомой двери. Каждый шаг отдавался в висках тяжёлым стуком. Дежурный, молодой парень с серьёзным лицом, преградил мне путь.

– Вы к кому? – спросил он, окидывая меня беглым, оценивающим взглядом.

Я сделала глубокий вдох, собираясь с духом.

– К капитану Мамонтову.

Парень едва заметно улыбнулся, поправляя фуражку.

– К подполковнику Мамонтову, – вежливо, но твёрдо поправил он. – Кабинет на втором этаже, конец коридора.

Подполковник. Звание прозвучало для меня как выстрел. Он поднялся по карьерной лестнице. Продвинулся. Пока я бегала между банком и больницами, он получал новые звёзды на погоны. Я лишь кивнула, не в силах вымолвить слова, и прошла внутрь.

Запах ударил в нос с той же силой, что и тогда – смесь чистящего средства, старого линолеума и чего-то неуловимого, холодного и официального. Каждый шаг по скрипящему полу отбрасывал меня на пять лет назад.

Я шла, чувствуя, как воспоминания накатывают волной, угрожая снести все мои защитные барьеры. Но я сжала зубы и двигалась вперёд, как робот, к двери в конце коридора. На ней висела лаконичная табличка: «П/п-к Мамонтов Д.С.».

Я постучала, не дав себе времени на раздумья.

– Войдите! – раздался из-за двери его голос, чуть приглушённый, но такой же властный. Я толкнула дверь и вошла.

Он сидел за своим столом, уткнувшись в какие-то бумаги, и поднял на меня взгляд. И этот взгляд приковал меня к месту. Он был жёстким. Недобрым. В нём не было ни тени былой нежности или даже простого человеческого любопытства. Это был взгляд начальника на неудобного просителя.

Мы расстались некрасиво – с горькими упрёками, с его попытками давления и моими истериками. И теперь, спустя годы, эта неприязнь, похоже, никуда не делась.

Но пока я стояла, застыв на пороге, мой мозг успел зафиксировать и другие детали. Он... изменился. Возмужал. Стал ещё шире в плечах, его фигура, всегда спортивная, теперь казалась высеченной из гранита. В его позе, в том, как он сидел, чувствовалась новая, незнакомая мне уверенность, почти властность. На нём была не повседневная форма, а тёмная, строгая рубашка, и на погонах действительно красовались новые, более крупные звёзды. *Подполковник.*

Он отложил ручку и откинулся на спинку кресла, его взгляд скользнул по мне с головы до ног – быстрый, оценивающий, безразличный.

– Ну что, Чернова, – произнёс он. – Рассказывай

Я стояла на пороге, чувствуя, как под этим ледяным взглядом во мне закипает знакомая, едкая смесь обиды и ярости. «Чернова». Он нарочно использовал мою девичью фамилию, чтобы уколоть меня. Чтобы напомнить, что я для него больше никто. И эта дешёвая уловка сработала – больно царапнула где-то глубоко внутри.

Но я не за тем пришла, чтобы давать волю старым демонам. Я сделала шаг вперёд, позволив двери захлопнуться за моей спиной с глухим стуком, который прозвучал неожиданно громко в этой строгой, напичканной бумагами комнате.

– Матвей так и не «объявился», – сказала я, и мой голос прозвучал ровно и холодно, зеркала его собственный тон. – Он пропал. Или ты уже забыл, зачем я здесь?

Он медленно, как хищник, поднялся из-за стола. Да, он изменился. Стал монолитнее, твёрже. Широкие плечи отчётливо вырисовывались под тёмной тканью рубашки. Он прошёл несколько шагов по кабинету, и я невольно отметила, как бесшумно и уверенно он двигался. Это была уже не энергия молодого капитана, а сдержанная сила состоявшегося руководителя.

– Я ничего не забываю, – его голос был тихим, но каждое слово отчеканивалось в моём мозгу, будто их вбивали печатной машинкой. – Особенно то, что люди предпочитают забывать. Например, как пять лет назад ты заявила, что лучше сдохнешь под забором, чем попросишь меня о помощи.

Так вот, оно что. Он ждал этого момента. Ждал, чтобы вставить нож в незажившее ребро и провернуть его. Я почувствовала, как по спине пробежал горячий трепет гнева.

– Это было до того, как мой брат исчез. И все, к кому я обращалась, ответили одно и то же «Ищем». – Парировала я, глядя ему прямо в глаза. В его взгляде мелькнуло что-то тёмное, почти злое. – Или ты хочешь сказать, что ваша система настолько безупречна работает, что я зря подняла панику? Или может Матвей загульный пьяница, для которого свойственно теряться по дороге домой. Мне кажется, вы с Матвеем вроде неплохо общались и ты знаешь, какой он человек. И поверь, Мамонтов, если бы не крайние обстоятельства, я бы никогда к тебе не обратилась.

Он резко развернулся и опустился в кресло, откинув голову на подголовник.

– Хватит, – отрезал он. – Я не для того пригласил тебя, чтобы ты вымещала на мне злость из-за своей беспомощности. Садись.

Он указал на стул напротив стола. Жест был приказом. Я медленно подошла и села, вцепившись в сумочку и едва сдерживаясь, чтобы не наговорить ему опять гадостей.

Он бесил меня. А я уже и забыла, как он это блестяще умеет делать.

Глава 4

(Денис)

Чернова. Лера. Стоит на пороге, как призрак. Тот самый, которого я пять лет вышибаю из жизни работой и дисциплиной. А она явилась. С тем же упрямым взглядом, от которого когда-то сходил с ума и который сейчас не оставляет равнодушным. Давно не видел её. Забыть пытался. Специально ничего не узнавал.

– Ну что, Чернова, – говорю я, намеренно опуская имя. Пусть знает дистанцию. Только субординация. Только факты. Сама к этому стремилась, так пусть и получает. – Рассказывай. Сначала. Подробно. Когда последний раз с ним общалась?

Выглядит измотанной. Похудела. В глазах – паника, но она её давит, прячет за ишиением. Как дикобраз. Всегда так. Нападает, когда страшно.

Она плюхается в кресло, пальцы нервно теребят ручку сумки.

– Вчера утром. Звонил перед посадкой. Говорил, что выезжает, всё нормально было.

– Тон? – перебиваю я, беру блокнот. – Обычный? Взволнованный? Не упоминал, что кто-то пристаёт?

Делаю пометку: «Звонок. Утро. Спокоен».

– Нет! – она резко вскидывает голову. – Всё как всегда. Шутил, про борщ спрашивал.

«Всё как всегда». Либо он чертовски хороший актёр, либо не ждал беды. Первое вероятнее. Люди редко исчезают на ровном месте.

– Работа, – перевожу разговор на факты. Голос ровный, без эмоций. Так надо. – Контакты начальства есть?

– Вахта, Нягань. Инженер. – она лихорадочно листает контакты. – Скину номер прораба. Сергей Петрович.

Вахта. Деньги. Вечная тема для разборок.

– Финансы, – смотрю на неё прямо. – Проблемы? Долги? Крупные? Или ему кто-то должен?

Она замирает на секунду. Сомневается. Значит, что-то было.

– Нет... То есть, копил на квартиру. Но в долги не лез, я уверена!

«Уверена». Слово дилетантов. Я работаю с фактами. Киваю, откладываю мысль. Разберёмся.

– Личная жизнь. Девушка.

– Люда. Три года вместе. Она в истерике, звонила мне...

– Контакты, – протягиваю руку, записываю номер. – Конфликты? Ревновала? Ссорились недавно?

– Да брось ты! – она всплёскивает руками, в голосе – знакомая истеричная нотка. – Они любили друг друга!

Любовь. Идеальный мотив. Самый частый.

– Проверим, – отрезаю я, не давая волнению взять верх. – Соцсети. Был активен? В каких группах? С кем общался?

– Я... не знаю. Мы редко переписывались. В основном звонили.

Поле для манёвра – целина. Мог вести двойную жизнь, она бы и не заметила. Ты ведь именно в этом меня обвинила Лера перед разводом. А про брата скажи, не поверишь.

«Или ты уже забыл, зачем я здесь?» Конечно, не забыл. Я ничего не забываю. Особенно её слова. «Лучше сдохну под забором». Красиво сказала. Помню это каждый раз, подписывая приказ о пропавших. Помню и думаю: «Не Лера ли это от гордости под забором загнулась». Жестоко? Да. Но так и есть. Ненавижу предателей.

Она злится на систему. А что хотела? Не в идеальном мире живёшь. Нет. Ну а теперь винить некого. Была бы со мной, такого бы не случилось. Но ты сама выбрала этот путь. Сама решила, что справишься без меня. Вот и справляйся. Но нет. Приползла. Как и знал, что будет.

«Поверь, если бы не крайние обстоятельства...»

Вот именно. Крайние обстоятельства. Все ко мне только из-за них и обращаются. Никто просто так. До этого даже ни разу позвонить не додумалась. Гордая пиздец.

Надо успокоить бурю. Слишком эмоционально. Мешает.

– Хватит, – говорю твёрдо. Она умолкает. Хорошо. Значит, ещё может адекватно воспринимать команды.

Откладываю блокнот. Складываю руки на столе. Смотрю на неё жёстко.

– Мне нужен его ноутбук. Телефон. Официальное разрешение на доступ к почте, соцсетям и банковским счетам.

Она бледнеет, но кивает.

– Хорошо. Всё, что угодно.

«Всё, что угодно». Все так говорят, пока не увидят, какое дно вскрыется.

Брат Матвей. Хороший парень был. Не похож на того, кто мог вляпаться. Но люди меняются. Она – тому пример. Вариант первый – сам пропал. Не верю. Не его стиль. Вариант второй – несчастный случай. Возможно. Но слишком чисто. Слишком аккуратно. Вариант третий... самый вероятный. Кто-то убрал. Теперь надо выяснить – кто и за что.

Резко встаю. Разговор окончен.

– Жди звонка. Не мешай своими звонками. И, Лера... – нарочно называю по имени. Она вздрагивает. – Готовься к любой информации. Правда имеет привычку быть неудобной.

Она молча поднимается и выходит, не оглядываясь.

А я не могу отделаться от воспоминаний, как она пять лет назад в этом кабинете застала меня с этой душой, Мариной. А я был виноват. Был. Но не настолько, чтобы такую трагедию устроить ещё и на развод подать. Хотя сейчас не время вспоминать. Сейчас другая задача.

Поворачиваюсь к окну. Где-то там её брат.

Она бесится. А я... я просто делаю свою работу. Ту самую, которую она всегда презирала, считая «вашей системой». А теперь эта система – её последняя надежда. Ирония.

Ладно, Чернова. Пора заканчивать предаваться воспоминаниям. Надо заняться делом. Отфильтровать лишнее и искать зацепки. Потому что я профессионал. А всё остальное... всё остальное не имеет значения. По крайней мере, я пытаюсь себя в этом убедить. Усилим

воли прогоняю образ бывшей. Напоследок признаваясь себе на секунду, что она всё ещё красотка. Такая, на которую сразу мужики оборачиваются.

К чёрту её. Надо было по телефону так и сказать, но слабину дал. Соскучился.

Глава 5

Дверь захлопнулась, но в кабинете ещё витал её запах. Лёгкий, какой-то цветочный. Не духи, которыми она пользовалась раньше, а что-то другое. Простое. Мыло, что ли? Я резко отвернулся к окну, будто мог от этого избавиться. Глупость. Пять лет не видел, а сломался за пять минут.

«Соскучился». Чёрт возьми. Признаться себе в этом – всё равно что подписать акт о собственной слабости. Но факт налицо. Сердце стучит, как у пацана, в висках давит. И злость на неё смешалась с чем-то старым, знакомым и оттого ещё более противным.

Надо было работать. Соберись, Мамонтов. Я грубо провёл рукой по лицу, будто стирая её образ, и снова сел за стол. Блокнот лежал открытым. Её слова, записанные моим почерком, смотрели на меня с упрёком.

Матвей. Надо сосредоточиться на нём. На деле. А не на её глазах, которые до сих пор смотрели на меня осуждением.

К чёрту! Я с силой ткнул кнопку домофона.

– Петров, ко мне! – бросил я в трубку, и мой голос прозвучал хриплее, чем я хотел.

Пока ждал опера, перечитал заметки. Всё слишком чисто. Слишком гладко для бытовухи или несчастного случая. Пахнет заказом. Но кто и за что мог заказать простого инженера-вахтовика? Ответ лежал там, на севере. В Нягани.

В дверь постучали, и вошёл молодой, щёголеватый капитан Петров.

– Товарищ подполковник?

– Капитан, – я отодвинул к нему блокнот. – Срочно. Пропал человек. Мамонтов Матвей Сергеевич. Инженер, вахта в Нягани. Исчез вчера утром из поезда № 094Н где-то между Няганью и Омском. Вещи на месте.

Петров взял блокнот, его лицо стало сосредоточенным.

– Понял. Транспортные уже в курсе?

– В курсе. Но работают по шаблону. Нам надо копнуть глубже. Первое: срочный запрос в Нягань. Вся информация по его работе. С кем контактировал, были ли конфликты, финансовые махинации на объекте. Второе: глубокая проверка по банкам. Все счета, переводы, кредиты. Третье: его девушка, Люда. Установить за ней негласное наблюдение. Проверить телефонные соединения, переписку.

Петров быстро конспектировал в свой планшет.

– Будет сделано, товарищ подполковник. А сестра... – он осторожно поднял на меня взгляд. – Она дала согласие на доступ?

Сестра. Слово резануло.

– Дала, – буркнул я. – Оформляй официальный запрос, я подпишу. И, Петров... – я посмотрел ему прямо в глаза. – Дело тонкое. Никакой лишней информации в отдел. Понятно?

– Так точно, – кивнул он, поняв намёк. Дело, связанное с начальником, всегда было минным полем.

Когда он вышел, я снова остался один. Я взял её заявление, которое она написала в участке. Её почерк. Немного изменился, стал более угловатым, нервным. Таким же, как она сама.

Мне следовало быть жёстче. Выпроводить её сразу. Взять заявление и сказать, что с ней свяжутся. Но нет. Я позволил ей прийти. Увидел её.

Я с силой отшвырнул папку с заявлением. Она упала на пол, и бумаги рассыпались. Чёрт! Я не для того пять лет строил карьеру и пытался забыть её, чтобы сейчас, из-за одного её появления, всё пошло под откос.

Надо ехать. Осмотреть вагон. Лично. Уйти в работу с головой. Единственное, что всегда меня спасало.

Я сорвал с вешалки китель и на ходу надел его. Выйдя из кабинета, я бросил секретарю:

– Я на вокзале. На связи.

И широкими шагами пересёк коридор, будто убегая. Но не от дела. А от её призрака, который снова поселился в моей голове. И самое противное было то, что часть меня... была рада этому.

Я вырулил со служебной стоянки, резко включил дворники. Дождь хлестал по лобовому стеклу, превращая вечерний город в размытое пятно огней. В голове стучало: *«Идиот. Самый настоящий идиот. Зачем её позвал?»* Нужно было гнать напрямик на вокзал, осматривать вагон, опрашивать проводников. Вместо этого я ехал по этому чёртову маршруту, который знал наизусть, будто надеялся её увидеть.

И увидел. На остановке, вся сжавшаяся в комок, в лёгкой куртушке. Она стояла, нахолодившись, втянув голову в плечи, точно промокший воробей, который забыл, куда летел. Руки глубоко в карманах, взгляд устремлён в никуда. Какая-то беззащитная и... потерянная.

«Проезжай. Просто проезжай мимо, Мамонтов. У неё своя жизнь, у тебя своя. Она сама так захотела».

Но нога сама легла на тормоз. Автомобиль с глухим рокотом остановился рядом с остановкой. Она даже не посмотрела. Я опустил стекло.

– Садись, – скомандовал я грубо.

Она медленно повернула голову. Потом покачала головой, отказываясь.

«Ну и правильно, – подумал я. – Так и надо».

Но что-то внутри заставило добавить:

– Поговорить надо. Насчёт брата.

Это сработало. Её глаза метнулись к машине, в них мелькнула искра интереса, смешанная с опаской. Она нехотя, будто каждое движение давалось с трудом, подошла к пассажирской двери и открыла её. Села на переднее сиденье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.